

Наиболее продуктивным для целей выявления дейктических средств в различных языках, на наш взгляд, является сопоставительное исследование в функциональном аспекте, предполагающем обращение не к словарным дефинициям и грамматическим справочникам, а к обширному массиву текстов в разных функциональных стилях. Контрастивные исследования (Б. К. Берген, Й. Нергор-Серенсен, Е. М. Вольф, О. В. Клименко, А. Талески, Г. В. Федюнева и др.) получили широкое распространение на современном этапе развития лингвистической науки. Они нацелены на сопоставление языковых явлений в двух и более языках, посредством чего сравниваются элементы систем разных языков с приведением их характеристик, свойств, особенностей функционирования. Такой подход позволяет выявить корреляты и несоответствия в языковых системах на различных их уровнях и таким образом комплексно проанализировать сложившиеся в исследуемых языках дейктические системы.

Н. В. Михалькова

ПРАГМАТИКА ПОСТРОЕНИЯ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Иероглифические знаки китайского языка представляют собой сложные построения, состоящие из семантически, синтаксически и прагматически выверенных элементов. Триединство значения языкового знака и его конститuentов, а также огромная подсистема графем позволяют носителям китайского языка успешно решать множество номинативных и словообразовательных задач. Так, например, иероглиф 男 nán ‘мужчина; мужской’, представляет собой комбинацию двух графем 田 tián ‘поле’ и 力 lì ‘сила’. Такое сочетание составляющих может быть объяснено тем, что в Древнем Китае ответственность за выполнение сельскохозяйственных работ лежала на плечах мужчин, соответственно в языковом сознании китайцев мужчина (男) являлся основной силой (力) для работы в поле (田).

Прагматический аспект построения иероглифического знака в китайском языке оказывается наиболее релевантным в случаях, когда необходимо выразить значение некоторого множества лиц. Так, в русском языке, например, отсутствуют гендерно дифференцированные значения местоимения второго лица множественного числа *они*, а также инклюзивное местоимение первого лица множественного числа *мы*. *Они* может включать как мужчин и женщин, так и группы только мужчин или только женщин. В китайском языке письменный знак имеет различия. Так, местоимения 他们 и 她们 имеют как одинаковое произношение tāmen, так и сходное значение ‘они’. Иероглифически знаки отличаются только радикалом: в первом случае радикал *человек*, второй знак включает ключевой компонент *женщина*. При этом местоимение 他们, в составе которого присутствует элемент *человек*,

может указывать не только на мужчину, но и на некое лицо, которое говорящий неточно определяет по признаку пола. В то время как местоимение 她们 показывает исключительно женщин в составе описываемого иероглифом коллектива. Следует отметить, что в современном китайском языке все больше и больше стираются данные различия, что обусловлено вероятно складывающейся в стране и мире гендерной ситуацией, влияющей на функционирование вышеназванных знаков.

Следует отметить, что графема 男 nán ‘мужчина; мужской’ значительно менее релевантна в качестве компонента в составе сложных знаков, нежели 女 nǚ ‘женщина’. При этом если, например, носитель китайского языка хочет выразить значение ‘приставать, флиртовать, надоедать кому-либо’, он может использовать несколько иероглифов, в частности 调情 tiáoqíng, 卖俏 màiqiào, однако только состав иероглифа 嫖 piào напрямую «показывает» указанное значение, так как состоит из двух компонентов 男 nán ‘мужчина; мужской’ между которыми имеет место элемент 女 nǚ ‘женщина’. Согласно данным исследований китайских ученых У. Чаньюна и Яо Юньчжу, среди 70 употребительных сложных иероглифов, имеющих в своей структуре ключ 女 nǚ ‘женщина’, найдется более 10 знаков, указывающих или на предосудительное, противоречащее нормам морали нравственное поведение (妒 dù ‘завидовать, ревновать’ и т.д.), или на предосудительную внебрачную связь между мужчиной и женщиной (奸 jiān ‘развратничать, прелюбодействовать’ и т.д.).

Относительно иклюдзивного *мы* в китайском языке существуют два иероглифических знака, позволяющих выразить значение объединенного неопределенного множества 我们 и 咱们. Иероглифы 我们 означают, что говорящий не включает слушающего адресата в состав коллектива, о котором идет речь, в то время как 咱们 позволяет это сделать.

Прагматика построения иероглифического знака прослеживается не только в области местоимений, но и отдельных категорий имени существительного. Так, одна из фундаментальных философских и логических операций определения количества объектов окружающей человека действительности в китайском языке находит свое специфическое языковое преломление. Первое, что необходимо отметить: в сознании носителей китайского языка описание количества идет по линии «множество – единичность», нежели «единичность – множество», как это имеет место быть, например, в русском языке. В данном случае любой объект априори мыслится как некоторое неопределенное множество, и только при необходимости выделить единичность, появляются соответствующие средства, в частности счетные слова, которые при этом семантически связаны с описываемой лексемой.

Так, например, при описании количества деревьев носитель китайского языка может сказать 一棵树, используя при этом знак, состоящий из трех компонентов, с необходимым комбинированием его и счетного слова для выделения единичного объекта, а может использовать знак 木, графически

отображающий единичность, по сравнению, например, со знаками 森 или 林, что достаточно часто используется в социальных рекламах в Китае, например, в рекламе в защиту от вырубке лесов присутствует такая надпись: 森林木十. Графически в иероглифах заложено исчисление от трех графем в значении дерева (森), до одной (木).

Одним из наиболее ярких проявлений действия прагматики в построении знака является диалектное варьирование его компонентов, например, основной диалект китайского языка путунхуа включает знаки, именуемые процесс защиты: 亢 (крыша + спокойствие), 抗 (рука + крыша + спокойствие). однако в диалекте у (吳) данный набор графем изменен: опущен компонент 扌, означающий 'рука', добавлен компонент 匚 'ограда', полученный в результате иероглифический знак выглядит следующим образом: 囿 (ограда + крыша + спокойствие).

Таким образом, прагматика как неотъемлемое свойство знака, пронизывает не только значение конечного конструкта, но и играет важную роль на этапе выбора элементов получаемого в результате иероглифа.

Ю. В. Мишурная

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Период конца XX – начала XXI века в развитии современного турецкого языка характеризуется разновекторными процессами и тенденциями. С одной стороны, тенденция интернационализации и активное пополнения лексического фонда иноязычными заимствованиями, главным образом англо-американизмами, а с другой – тенденция национализации, которая продиктована особенностями языковой политики турецкого государства и выражается в форме «языкового пуризма».

Дж. Томас определяет языковой пуризм как «стремление со стороны языкового сообщества (или его части) уберечь язык (или избавить его) от предполагаемых иноязычных или других нежелательных элементов (включая слова, созданные в диалектах, в языке отдельных социальных групп и языковых стилей). Он может проявляться на всех уровнях языка, но, в основном, в его лексическом составе».

В Турции языковой пуризм как проявление национализма нашел свое выражение в языковой реформе, которая была тесно связана с революцией 1923 года и сопровождалась серией светских реформ, направленных на ликвидацию средневековых пережитков в государственном строе и быту. Суть языковой реформы, начало которой было положено реформой алфавита (замена арабской графики латиницей), которая осуществлялась созданным в 1932 году Турецким лингвистическим обществом, заключалась в перестройке турецкого литературного языка и ликвидации разрыва между литературным османским и народно-разговорным турецким языком. Для дости-